

Научная статья. Исторические науки
УДК 327(5)
DOI: 10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-075-088

ЭВОЛЮЦИЯ УГРОЗ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСЛЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»: ВЗГЛЯД КИТАЙСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

ЛЮ Синтао¹

¹РАНХиГС, Москва, Россия, xt83tree@aliyun.com,
<https://orcid.org/0000-0003-0545-0089>

Аннотация: После окончания «холодной войны» в экспертных и политических кругах азиатско-тихоокеанских стран получили широкое распространение ожидания, что экономическое сотрудничество может стать эффективным механизмом купирования политических противоречий. По прошествии трех десятилетий очевидно, что этого не произошло. В статье проанализирована эволюция основных экономических тенденций в Азиатско-Тихоокеанском регионе как ключевого макро-фактора, влияющего на региональную безопасность, определены пути трансформации основных угроз безопасности, а также потенциальное влияние на них со стороны проекта Индо-Тихоокеанский регион. Вывод автора состоит в том, что в современных условиях, учитывая рост значимости Китая в мировой экономике, политике и безопасности, что проецируется на АТР, необходима более тесная координация региональных многосторонних проектов и инициатив сотрудничества с Китаем, чем это происходит в настоящее время.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, безопасность, сотрудничество, экономический регионализм, институты многостороннего диалога, Индо-Тихоокеанский регион

Для цитирования: Лю Синтао. Эволюция угроз азиатско-тихоокеанской безопасности после «холодной войны»: взгляд китайского исследователя // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2022, Том 1, № 1 (54). С. 75–88. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-075-088

Original article. Historical science

A CHINESE RESEARCHER ON THE EVOLUTION OF ASIA-PACIFIC SECURITY CHALLENGES AFTER THE COLD WAR

LIU Xingtao¹

¹RANEPА, Moscow, Russia,
xt83tree@aliyun.com, <https://orcid.org/0000-0003-0545-0089>

Abstract: After the Cold War, expectations about economic cooperation as an effective mechanism to cope political contradictions became widespread in the Asia-Pacific expert and political community. As three decades have passed, evidently, this scenario has not materialized. The article focuses on the evolution of main economic trends in the Asia-Pacific region as a key macro-factor that influences on regional security. In addition, it reveals the transformation of main regional challenges, as well as how the project Indo-Pacific region may potentially shape them. The author argues that in the contemporary world, due to China's rise to global economic, political and security prominence with implications for the Asia-Pacific region, a greater coordination of the regional multilateral projects and initiatives of cooperation with China, compared to what has been to date, is necessary.

Keywords: Asia-Pacific Region, security, cooperation, economic regionalism, multilateral dialogue venues, Indo-Pacific region

For citation: Liu Xingtao. A Chinese Researcher on the Evolution of Asia-Pacific Security Challenges after the Cold War. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2022, T.1, №1 (54). Pp. 75–88. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-075-088

На фоне усиливающейся турбулентности в международной политике Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) продолжает оставаться основным «драйвером» мировой экономики: расположенные там страны приняли эффективные меры по борьбе с пандемией COVID-19, развивают цифровые инструменты экономического управления и регулирования, предприняли усилия для минимизации влияния локдауна на состояние региональных цепочек добавленной стоимости. В условиях пандемии состоялось подписание соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), потенциально способном открыть новую страницу в истории экономического сотрудничества между государствами Северо-Восточной Азии, Юго-

Восточной Азии и южной части Тихого океана. Это свидетельствует о сохраняющемся потенциале азиатско-тихоокеанских стран определять тенденции развития современного мира.

Однако пропорционально экономическим возможностям АТР, нарастают и проблемы в отношениях между расположенными там странами. Эти проблемы усугубляются трансляцией глобальных противоречий на азиатско-тихоокеанское пространство. Отсюда – необходимость анализа основных процессов безопасности и сотрудничества в АТР с проведением их исторической ретроспективы в пост-биполярный период.

Экономические макро-тенденции развития АТР

После окончания «холодной войны» в АТР заметным явлением стала увязка многостороннего экономического развития со снижением остроты, а в идеале – решением, политических проблем. Диалог по экономическим вопросам стал рассматриваться в качестве средства недопущения эскалации угроз региональной безопасности до состояния крупных кризисов.

Вместе с тем, если восточноазиатские страны, из которых на передний план все заметнее выдвигались сначала государства АСЕАН, а впоследствии Китай, стали развивать форматы и инициативы экономического регионализма, предполагавшие поиск консолидирующей составляющей сотрудничества, то США отдали приоритет формату АТЭС, где это было выражено слабее, а впоследствии, после провозглашения политики «перебалансировки», приступили к развитию Транстихоокеанского партнерства (ТТП), исключившего Китай. Политика Вашингтона не отличалась последовательностью: если администрация Б. Обамы провозгласила ТТП основой своего «возвращения в Азию», то администрация Д. Трампа вышла из ТТП уже в начале исполнения американским президентом своих обязанностей. К настоящему времени Вашингтон не представил четкую и последовательную позицию в отношении того, каким образом он намерен выстраивать многостороннее сотрудничество с партнерами в АТР, а протекционистские настроения администрации Дж. Байдена не дают этим партнерам повода для излишнего оптимизма.

На протяжении 1980-х – 2000-х годов все заметнее становилось влияние Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Ассоциация сформировала систему многостороннего мониторинга региональной обстановки посредством диалоговых форматов Региональный форум АСЕАН (АРФ), Совещание министров обороны (СМО) АСЕАН+8

и Восточноазиатский саммит (ВАС), а также приступила к реализации масштабных экономических проектов Чиангмайская многосторонняя инициатива и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП).

Последнее заслуживает особого внимания. Его подписание произошло в ноябре 2020 г., на фоне неопределенности перспектив мировой и региональной торговли. Кризис глобальных форматов экономического управления и регулирования совпал с невнятной позицией АТЭС по стратегическим вопросам своего развития, а также фрагментацией международного сотрудничества в условиях пандемии. На таком фоне Ассоциация продемонстрировала готовность координировать одну из наиболее ресурсных инициатив экономического регионализма, которая – даже без Индии – имеет шансы стать «драйвером» мировой экономики.

Наконец, на передний план сначала региональной, а впоследствии мировой экономики выдвинулся Китай. Успешно справившись с последствиями глобального финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг., Поднебесная изменила свои приоритеты с региональных на глобальные. Их проявлением стал запуск мега-проекта Инициатива «Пояс и Путь», нацеленного на изменение экономической и корпоративной, а впоследствии политической карты современного мира. Хотя реализация ИПП столкнулась с рядом трудностей, ее роль как определяющего фактора развития азиатско-тихоокеанского пространства остается бесспорной.

За прошедшие три десятилетия содержательная и институциональная составляющие экономического сотрудничества в АТР претерпели серьезную трансформацию. В первом случае очевиден отход от фритрейдерской повестки в сторону более практикоориентированных форматов взаимодействия. Отсутствие у АТЭС серьезных перспектив стало очевидно еще во время азиатского финансового и экономического кризиса: обращение наиболее пострадавших экономик Форума за содействием не встретило поддержки со стороны других участников. Одновременно происходившее оформление более узких форматов сотрудничества – АСЕАН+3, а впоследствии Саммита Китай-Япония-Южная Корея – не подтолкнуло АТЭС пересмотреть базовые параметры сотрудничества между своими участниками, а трудности в реализации Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) были очевидны уже с начала серьезных дискуссий на эту тему. Показателен и пример ТТП: будучи политическим, а не экономическим проектом, Партнерство достигло своего апогея после объ-

явления о завершении переговоров, когда Б. Обама заявил, что определение правил мировой торговли являются прерогативой США¹. После выхода США из ТПП и трансформации последнего во Всеобъемлющее и прогрессивное транстихоокеанское партнерство, ощутимых результатов сотрудничества в этом формате достигнуто не было. Они могут появиться только в случае присоединения к ВПТТП Китая, который отправил соответствующую заявку в сентябре 2021 г.².

Что касается институтов, то, если не считать ВРЭП, в регионе нарастает интерес к узким диалоговым форматам. Примерами могут служить зоны экономического роста в Юго-Восточной Азии, в частности, проект Большой Меконг. Определяющим фактором такого интереса служит Экономический коридор Китай – Индокитай и часть Морского шелкового пути XXI века, проходящие через ЮВА. Что же касается АТЭС и ВПТТП, то интерес к ним в регионе снижается.

Не в последнюю очередь это обусловлено отсутствием впечатляющих результатов работы Делового консультативного совета АТЭС. Созданный в 1995 г., ДКС АТЭС способствовал реализации мер, призванных облегчить экономические обмены между участниками Форума. В 1996 г. ДКС АТЭС выступил с предложением о создании Карты деловых поездок АТЭС (*APEC Business Travel Card*), а в начале 2000-х годов – о формировании Азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли. Под эгидой ДКС АТЭС был учрежден Азиатско-тихоокеанский финансовый форум, сыгравший немалую роль в развитии финансовых рынков на пространстве АТЭС и облегчивший микро-, малым и средним предприятиям доступ к источникам финансирования. ДКС АТЭС выработал систему коммуникации с лицами, принимающими решения в АТЭС, готовит аналитические материалы и рекомендации для лидеров экономик АТЭС. Вместе с тем, ДКС АТЭС не смог преодолеть ограничений, характерных для АТЭС в целом. У АТЭС отсутствует «большого проект», соответственно, ДКС АТЭС решает, преимущественно локальные задачи, не выходя за рамки приоритетов АТЭС, находящегося в глубоком кризисе.

Становится очевидной растущая политизация экономического сотрудничества на азиатско-тихоокеанском пространстве. Ярким проявлением стали китайско-американские противоречия по вопросам торговли и высоких технологий. Программа «Произведено в Китае – 2025» вызывала и продолжает вызывать беспокойство американских администраций. Источниками разногласий служат вопросы интеллектуальной собственности, инновационной политики китайских предприятий, деятельность американских компаний на китайском

рынке и иные. По мере дальнейшего снижения консолидирующей повестки в сотрудничестве между азиатско-тихоокеанскими игроками эти противоречия будут нарастать.

Сказанное выше оказывает непосредственное влияние на состояние угроз безопасности АТР. Если в начале 1990-х годов страны региона рассчитывали, что экономическое сотрудничество, подкрепленное эффективно работающими многосторонними институтами, станет страховочным механизмом эскалации региональных проблем, то к началу 2020-х очевидно, что этого не произошло – ни на содержательном, ни на инструментальном уровне.

Трансформация проблем азиатско-тихоокеанской безопасности

После окончания «холодной войны» в АТР, как и в мире в целом, наступил «однополярный момент»: Вашингтон приступил к перекраиванию регионального пространства по своим лекалам. Американские администрации последовательно укрепляли сотрудничество с Японией и Республикой Корея – своими основными партнерами в Северо-Восточной Азии. Несмотря на переход к политике относительно «низкого профиля» после ликвидации американского военного присутствия на Филиппинах, США не оставили в стороне свои планы в отношении государств Юго-Восточной Азии, а также Австралии. Ни Пекин, ни Москва в то время не могли выступить эффективным противовесом американской политики: если КНР следовала максиме Дэн Сяопина «выжидать момента и не высовываться», то РФ, вступившая в затяжной экономической и социальный кризис, сконцентрировала внимание на внутренних приоритетах.

Вместе с тем, в регионе оставалось множество неурегулированных проблем. Некоторые из них – как, например, морские территориальные споры, имеют многовековую историю. Другие, в частности, проблема разработки КНДР своих ядерных программ, были наследием «холодной войны». Нетрадиционные угрозы безопасности, которые тоже нельзя назвать чем-то новым для региона, например, пиратство и морской разбой, приобретали растущую актуальность.

На протяжении трех десятилетий после окончания «холодной войны» эти угрозы прошли трансформацию, которую можно представить в виде трех взаимосвязанных тезисов.

Во-первых, происходит усложнение содержания этих угроз, что не в последнюю очередь обусловлено азиатско-тихоокеанской политикой США. Сталкиваясь с изменением существа региональных про-

цессов, прежде всего, экономического характера, Вашингтон не принимает полноценного участия в их формировании. Более того, многостороннее политическое и военное сотрудничество США с партнерами носит не комплексный, а однобокий характер, что особенно ярко проявилось на примере сначала игнорирования США АСЕАН-центричных диалоговых форматов, а впоследствии попыток не столько решить региональные проблемы, сколько их «раскачать» для получения односторонних выгод. Показательным примером служит проблема Южно-Китайского моря, на заседаниях АРФ и ВАС в 2010 и 2011 гг. соответственно. Характерно и нежелание Вашингтона координировать действия с участниками Шестисторонних переговоров во время функционирования этого формата.

Вместе с тем, существо этих проблем меняется: если раньше противоречия из-за Южно-Китайского моря были связаны с вопросом об их суверенитете, то теперь они являются одновременно спорами за принадлежность архипелагов Парасельский и Спратли, предметом переговоров между АСЕАН и Китаем по выработке Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море и источником китайско-американских противоречий по вопросам безопасности и сотрудничества на морских пространствах АТР. Что же касается ядерной программы КНДР, то мировому сообществу приходится иметь дело с государством, находящимся вне глобального режима ядерного нераспространения, и наладить диалог с которым, тем более на многосторонней основе, после провала Шестисторонних переговоров крайне проблематично.

Усложнение существа угроз азиатско-тихоокеанской безопасности связано и с позицией КНР. По мере роста своих возможностей Поднебесная все активнее заявляет, что не будет мириться с теми проявлениями американской политики, которые несут ущерб китайским интересам, в том числе их репутационной составляющей. Если во время инцидента в Южно-Китайском море в апреле 2001 г. Пекин удовлетворился извинениями Вашингтона, то в ответ на аналогичные события в 2013 г. власти КНР добавили к известной девятипунктирной линии границ своих притязаний в этой акватории десятый пункт, проходящий к востоку от Тайваня³. В обозримой перспективе активизация политики США и их союзников на азиатско-тихоокеанском пространстве будет вызывать все более жесткий ответ Пекина, форма и содержание которого тоже будут усложняться, приобретая новые грани и оттенки.

Второй особенностью эволюции угроз азиатско-тихоокеанской безопасности является их растущая глобальная составляющая. Например, китайско-американские противоречия уже утратили двустороннее измерение и превратились в важный фактор реализации китайского и американского мега-проектов ИПП и ИТР соответственно. Что же касается ядерной программы КНДР, то, при всей ее важности для азиатско-тихоокеанской безопасности, она переросла региональные рамки и относится к несовершенству системы глобального ядерного нераспространения. Другие проблемы азиатско-тихоокеанской безопасности, в частности, противоречия вокруг освоения ресурсов реки Меконг, эволюционируют в том же направлении.

В-третьих, на фоне усложнения содержания этих проблем и нарастания их глобального характера обнаружилась неспособность глобальных институтов сотрудничества снизить остроту этих вызовов. Примером, опять же, служат противоречия из-за Южно-Китайского моря: вердикт Постоянной палаты третейского суда от 12 июля 2016 г. не решил противоречия, а напротив – консервировал их. Китай, не участвовавший в процессе, заявил, что не признает это решение. В 2021 г. официальный представитель МИД Чжао Лицзянь в ответ на заявление госсекретаря США Э. Блинкена о ЮКМ подчеркнул, что решение Постоянной палаты третейского суда по Южно-Китайскому морю нарушает принцип «государственного согласия», Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., а следовательно, является незаконным и не имеющим силы⁴. Китайские эксперты отмечают и то обстоятельство, что тогдашний президент Постоянной палаты Янаи Сюндзи является гражданином Японии, а у этой страны существуют территориальные споры с Китаем в Восточно-Китайском море⁵. Неудивительно, что в результате проблема ЮКМ стала значительно менее управляемой с инструментальной точки зрения.

На угрозы региональной безопасности проецируются противоречия между КНР и США по вопросам глобального развития. В последние два года на передний план вышел сюжет с пандемией COVID-19. Вашингтон обвинил Пекин в сокрытии масштабов пандемии⁶, в ответ на что Китай предложил экспертам ВОЗ проверить деятельность Института по изучению инфекционных заболеваний Армии США (USAMRIID) на базе Форт-Детрик в Мэриленд, а также американские биологические лаборатории за пределами США⁷. Китайские эксперты подчеркивают: США используют пандемию как предлог давления на КНР на фоне нарастающих проблем в американской внутренней политике⁸.

Оценивая перспективы такого явления современных китайско-американских отношений, как «разъединение» (декаплинг), подчеркнем его проблематичные последствия прежде всего для США. Причина такова, что Китай перешел от стадии экономического роста к стадии экономического контроля важных для себя процессов. Это проявляется на примере снижения зависимости Китая от других стран и их компаний в производстве высокотехнологичной продукции, поддержки отечественного производителя и активизации мероприятий по повышению международной конкурентоспособности китайского бизнеса. При этом роль Китая в производстве высокотехнологичной продукции возрастает: Поднебесная не только создает привлекательные условия транснациональным компаниям для размещения производств на территории КНР, но и активно формирует собственные товаропроизводящие и товаропроводящие цепочки на основе Инициативы «Пояс и Путь».

В целом, мотивация азиатско-тихоокеанских государств развивать отношения с Китаем значительно выше, чем с США, которые не могут предложить этим странам консолидирующую повестку сотрудничества на основе общности интересов, во всяком случае – экономических. Отсюда – основания ожидать, что эволюция основных угроз безопасности будет происходить по сценарию, устраивающему Пекин, а не Вашингтон.

Индо-Тихоокеанский контекст региональных проблем

Хотя проект Индо-Тихоокеанский регион уходит корнями в первую половину 2000-х годов, за его нынешним развитием стоит решение администрации Д. Трампа о его использовании как инструмента сдерживания Китая на морских рубежах. Морские коммуникации через Тихий и Индийский океаны приобретают все большую значимость: через эти воды проходит две трети мирового объема перевозок нефти, а Аденский и Малаккский проливы имеют критическое значение для мировой экономики. Пространства Тихого и Индийского океанов перспективны с точки зрения освоения ресурсов Антарктики, а следовательно, укрепления продовольственной безопасности и предотвращения изменения климата. Средние державы АТР, прежде всего – Австралия, Индонезия и Республика Корея, стремятся расширить свое участие в формировании повестки сотрудничества и развития за пределами своих субрегионов. Но главное – запуск и последующее развитие китайской мега-стратегии ИПП в перспективе ведет к усилению не только экономических, но и геополитических позиций

Поднебесной, что требовало адекватного ответа со стороны ее основного конкурента.

Этот ответ последовал в ноябре 2017 г. на саммите АТЭС в г. Дананг, когда Д. Трамп возродил нарратив об Индо-Тихоокеанском регионе⁹. С географической точки зрения Индо-Тихоокеанский регион соответствует зоне ответственности Тихоокеанского командования США¹⁰. В последующие годы США и их союзники и партнеры развили проект ИТР, сделав его основным инструментом продвижения американских интересов на пространстве Тихого и Индийского океанов. Институциональным оформлением проекта стал Четырехсторонний оборонный формат в составе США, Японии, Австралии и Индии (Quad), не скрывавший своей нацеленности сдерживать Китай на морях. Отражением такой позиции может служить заявление Д. Байдена, сделанное в разговоре с Си Цзиньпином, что военное присутствие США в Индо-Тихоокеанском регионе будет сопоставимо с присутствием НАТО в Европе¹¹. Последовавшие военные учения США и их союзников в Индо-Тихоокеанском регионе, а также перспектива роста военных расходов, не оставили сомнений в серьезности намерений Вашингтона. В апреле 2020 г. командующий Индо-Тихоокеанского командования (INDOPACOM) адмирал Ф. Дэвидсон, представил Конгрессу план инвестиций на 20 млрд долл. США для наращивания американских военных возможностей в ИТР. На 2021 фин. год план Ф. Дэвидсона предполагал порядка 1,6 млрд долл. в виде дополнительного финансирования, а также около 18,4 млрд долл. на 2022–2026 финансовые годы¹².

Схожие тенденции просматриваются на уровне целеполагания США. В Стратегии национальной безопасности, опубликованной администрацией Д. Трампа в конце 2017 г., Пекин указан в качестве основного конкурента Вашингтона¹³. Среди прочих примеров заслуживает внимания Закон о стратегической конкуренции, принятый Комитетом Сената США по международным отношениям весной 2021 г., где речь идет о необходимости сдерживать китайскую политику по целому ряду направлений, в том числе передавая вооружения Тайваню¹⁴. Все это уже привело к поляризации региональной обстановки, затрудняя многостороннее сотрудничество по снижению остроты угроз безопасности.

В этой связи возникает вопрос: опасается ли Китай развития американоцентричных инициатив, в частности, Четырехстороннего оборонного формата или AUKUS? Представляется, что едва ли: у их участников нет экзистенциальных интересов, которые были бы реали-

зованы при помощи сотрудничества в форматах Quad и AUKUS. Показательно, что если в 2007 г. Китай подверг создание Quad резкой критике, то в 2017 г. реакция Поднебесной не была столь жесткой. И хотя создание AUKUS и перспектива поставок Австралии подводных лодок на атомной тяге вызывает обеспокоенность КНР, фактор экономического сотрудничества, как рассчитывают китайские руководители, в случае с Австралией должен сыграть стабилизирующую роль. Даже если предположить, что ситуация в Южно-Китайском море будет оставаться напряженной, сложно представить, что, например, Индия и Великобритания как участники Quad и AUKUS, пойдут на серьезную эскалацию обстановки.

Вместе с тем, сложившаяся ситуация потенциально опасна с той точки зрения, что проект ИТР подрывает эффективность АСЕАНОцентричных диалоговых форматов по безопасности – АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС. Обозначив свою позицию по этому проекту, Ассоциация выразила готовность подключить к его реализации свои площадки многостороннего сотрудничества¹⁵. Однако такой шаг потребует кардинальной ревизии тех документов, которые определяют функционирование этой системы на протяжении почти трех десятилетий, что не лучшим образом отразится на ее эффективности. Учитывая, что на индо-тихоокеанском пространстве у Вашингтона и Пекина гораздо больше источников противоречий, чем в АТР, они будут проецироваться на АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС, снижая заинтересованность в этих площадках многостороннего диалога со стороны нынешних, а возможно и новых, участников.

Наконец, попытки США и их союзников обозначить пути решения экономических вопросов применительно к проекту ИТР пока приводят к малоубедительным результатам. Наиболее существенный из этих вопросов относился к финансированию развития инфраструктуры на индо-тихоокеанском пространстве, затраты на которую эксперты оценивали в 26 и 50 трлн долл. к 2030 и 2040 гг. соответственно¹⁶. Вместе с тем, ни японские инициативы Партнерство в целях качественного инфраструктурного строительства и Расширение экспорта для целей качественного инфраструктурного строительства, ни проект Афро-азиатский коридор роста, не прояснили этот вопрос¹⁷. Нет ответа на него и в опубликованной в феврале 2022 г. Индо-Тихоокеанской стратегии США: там речь идет о цифровой экономике, энергетическом и климатическом переходе, а инфраструктура упоминается в контексте Инициативы построения нового мира (*Build Better World Initiative*) участников Большой семерки¹⁸. Сомнительно, что эти стра-

ны готовы взять на себя необходимые траты, учитывая нарастание там социально-экономических проблем на фоне ухудшения отношений России с коллективным Западом.

В общем и целом, проект Индо-Тихоокеанский регион не решает, а лишь усугубляет проблемы азиатско-тихоокеанской безопасности. Основная причина состоит в том, что в современных условиях реализация масштабной инициативы, нацеленной не на сотрудничество с Китаем или, как минимум, на координацию действий с ним, а на его изоляцию, не имеет перспектив.

Выводы

За прошедшие тридцать с лишним лет после окончания «холодной войны» состояние угроз региональной безопасности прошло существенную трансформацию. При усложнении проблем и одновременном усилении их глобальной составляющей очевидна недостаточная эффективность инструментов купирования их остроты. Это проявляется как на региональном, так и на глобальном уровне.

В значительной степени это связано с утратой нейтральности и инклюзивности сотрудничества, как в мире в целом, так и в АТР как части глобального пространства. В современном мире нет ни одной проблемы, по которой у международного сообщества была бы единая позиция, способная составить основу для координации действий между большим количеством стран на много лет вперед. Та же ситуация характерна и для АТР, что подтверждается как различными предпочтениями расположенных там стран относительно форматов и инициатив экономического регионализма и подходов к урегулированию проблем региональной безопасности. При сохранении нынешних тенденций развития проекта Индо-Тихоокеанский регион перспектива скоординированных действий азиатско-тихоокеанских игроков в отношении угроз региональной безопасности будет становиться все менее очевидной.

В целом, в регионе происходит именно то, чего расположенные там страны стремились избежать в конце 1980-х – середине 1990-х годов, когда создавались АСЕАНОцентричные институты многостороннего сотрудничества по вопросам экономики, политики и безопасности: не дать политическим противоречиям возобладать над экономическими обменахми, наращивая последние как эффективное средство предотвращения эскалации политической и военной обстановки в регионе. Тот факт, что этого сделать не удалось, вызывает искреннее сожаление. Отсюда – объективно нарастающая необходимость коор-

динировать эти инициативы с Китаем, способным привнести в процессы региональной безопасности и сотрудничества сильный консоллирующий компонент.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

ЛЮ Синтао, аспирант кафедры всеобщей истории Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

Статья поступила в редакцию 05.05.2022;
одобрена после рецензирования 12.05.2022;
принята к публикации 27.05.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

LIU Xingtao, postgraduate student of the Department of World History, School of Contemporary Humanitarian Studies, Institute of Social Sciences, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPА)

The article was submitted 05.05.2022;
approved 12.05.2022;
accepted to publication 27.05.2022.

¹ Обама: только США и их партнеры должны определять правила мировой торговли. ТАСС. 3 мая 2016. URL: https://tass.ru/ekonomika/3255283?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com

² China Officially Applies to Join CPTPP. Xinhua. 17.09.2021. URL: http://www.news.cn/english/2021-09/17/c_1310192180.htm

³ Limits in the Seas. Bureau of Oceans and International Environmental and Scientific Affairs, United States Department of State, p. 3. <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/234936.pdf>

⁴ 外交部发言人：中方对美方涉南海错误行径表示坚决反对 (Официальный представитель МИД (КНР): Китай решительно выступает против неправомочных действий США в Южно-Китайском море) // URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceus/chn/zmgx/zxxx/t1891486.htm>.

⁵ 丁铎：所谓“南海仲裁裁决”无益于国际法治 (Дин Дуо: Так называемое «Решение арбитражного суда по ситуации в Южно-Китайском море» не отвечает международному верховенству права) // URL: http://www.nanhai.org.cn/review_c/561.html

⁶ Вашингтон счел коронавирус поводом для новых санкций. РБК. 24 апреля 2020 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/04/2020/5ea176529a794713718b818c>

⁷ 2021年7月30日外交部发言人赵立坚主持例行记者会(30 июля 2021 г. Официальный представитель МИД Чжао Лицзянь провел очередную пресс-конференцию) // URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/fyrbt_673021/jzhsL_673025/t1896427.shtml

⁸ 周鑫宇：《美国再炒病毒溯源问题是自作聪明》，载《光明日报》2021年06月10日。(Чжоу Синьюй. США поступают разумно, вновь возвращаясь к вопросу обеспечения контроля над пространством вирусов. Газета Гуанмин, 10 июня 2021.)

⁹ Remarks by President Trump at APEC CEO Summit. U.S. Embassy & Consulate in Vietnam. November 10, 2017. URL: <https://vn.usembassy.gov/20171110-remarks-president-trump-apec-ceo-summit/>.

¹⁰ Подробнее см.: Морозов Ю.В. Индо-Тихоокеанская стратегия Д. Трампа как угроза национальным интересам Китая и России в регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14, № 6. – С. 1166-1180.

¹¹ Байден пообещал военное присутствие США в Индо-Тихоокеанском регионе. РИА Новости. 29 апреля 2021. URL: <https://ria.ru/20210429/bayden-1730412161.html>

¹² EXCLUSIVE Indo-Pacom Chief's Bold \$20 Billion Plan For Pacific; What Will Hill Do? Breaking Defense. April 02, 2020. URL: <https://breakingdefense.com/2020/04/exclusive-indo-pacom-chiefs-bold-20-billion-plan-for-pacific-what-will-hill-do/>

¹³ National Security Strategy of the United States. The White House. December 18, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf>

¹⁴ S.1169 - Strategic Competition Act of 2021. URL: [https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1169#:~:text=Reported to Senate \(05%2F10%2F2021\),-Strategic Competition Act&text=This bill addresses various foreign,with a focus on China.&text=imposes sanctions on foreign individuals,abortions\) in China's Xinjiang region](https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1169#:~:text=Reported to Senate (05%2F10%2F2021),-Strategic Competition Act&text=This bill addresses various foreign,with a focus on China.&text=imposes sanctions on foreign individuals,abortions) in China's Xinjiang region)

¹⁵ "ASEAN Outlook on the Indo-Pacific". URL: https://asean.org/asean2020/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf

¹⁶ Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз / Под ред. В.В.Михеева, В.Г.Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. С. 131.

¹⁷ Там же. С. 131-132.

¹⁸ Indo-Pacific Strategy of the United States. Washington, the White House, February 2022. P. 11. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf>